

Leonard Miriam. Athens in Paris: ancient Greece and the political in postwar French Thought. Oxford University Press, 2005

Филолог-классик Мириам Леонард написала книгу по философии, отважно нарушив все междисциплинарные барьеры. Кажется, что британская исследовательница решила задеть как можно больше громких имен и щекотливых тем. Задевает уже само заглавие книги: «Афины в Париже». Любой педант признает его бессмысленным. Подзаголовок «Античная Греция и политика в послевоенной французской мысли» скорее усиливает недоумение: какое отношение древние греки имеют к реалиям послевоенной Франции? Леонард убедительно доказывает, что прямое. Признание Франции страной-победительницей не смогло избавить французских интеллектуалов от травмы немецкой оккупации. Политические искания послевоенной эпохи угодили в капкан бинарной оппозиции: сопротивление или коллаборационизм. Май 1968 г. (всего лишь «удобный символ» (р. 5), если не поверхностный симптом) не только не разрешил противоречия между мыслью и политикой, но обнаружил алиби «властителей умов», прежде всего структуралистов и постструктуралистов (между ними автор отказывается проводить различия), их физическую непричастность к ключевым событиям студенческой революции. Последующий выход книги Ферри и Рено *La pensée 68* был воспринят как неудачная шутка («Все название ложь, включая *La*, и даже в особенности — *La!*»)¹. Кульминация наступила в 1974 г. после появления на французском языке «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына: полюсы сопротивления и коллаборационизма стали неразличимы между собой, как преступления нацизма и сталинизма. Это был трагический момент «узнавания», когда отстраненность интеллектуалов от традиционных форм политической борьбы получила частичное оправдание. Что делать с политикой, лишенной спектральной определенности? Оказалось, что французская мысль давно нашла лабораторию для такого рода экспериментов: Древнюю Грецию. Высказывание Хайдеггера: «Когда французы начинают думать, они говорят по-немецки» уместно применить и к немцам, прежде всего, к тому же Хайдеггеру, Гегелю или Ницше, оказавшим сильнейшее влияние на французскую мысль: «Когда немцы начинают думать, они говорят по-гречески». Разбираясь с наследием войны, французы были обречены на постепенное избавление от «сделанных в Германии» вспомогательных элементов мысли. В результате «французская теория», если и не стала «говорить по-гречески», то по крайней мере серьезно занялась античностью. Поэтому когда Деррида называет свой текст «Мы другие греки», предлагая, как обычно, на выбор несколько вариан-

¹ *Ferry L., Renaut A. La pensée '68: Essai sur l'antihumanisme contemporain. Paris, 1985.*
Цитата принадлежит Кристин Росс, перефразировавшей Мэри МакКарти.

тов интерпретации заголовка, ни один из этих вариантов не допускает намека на то, что заглавие попросту бессмысленно².

Именно интеллектуальную драму послевоенного пятнадцатилетия 1959–1974 гг., чрезвычайно насыщенного яркими достижениями, Леонард делает объектом своего исследования. Книга состоит из суммы или, вернее сказать, из нескольких уровней текстов. На поверхности – французские тексты Ж.-П. Вернана, Ж. Лакана, Л. Иригарэ, М. Фуко, Ж. Деррида, а также К. Леви-Стросса и Э. Левинаса. Промежуточный уровень, от которого в конечном счете так и не удастся совершенно избавиться, занимают немецкоязычные мыслители: Гегель, Ницше, Фрейд. Наконец, два греческих автора – Софокл и Платон. Кроме того, следует отметить два исключения в устройстве этого интеллектуального «слоеного пирога»: всепроникающее присутствие Жижека и тотальное замалчивание Хайдеггера. И то и другое весьма показательно, мы вернемся к этому в финале рецензии.

Вся сумма основных и второстепенных текстов вращается вокруг трех персонажей античной классики: Эдипа, Антигоны и Сократа (в соответствии с этим книга состоит из трех глав). Возникает сложнейшее полифоническое сочетание влияний и споров. Для всякого, кто рискнет войти в этот темный лес, книга Леонард послужит спасительным компасом. Однако плох тот филолог, который не мечтает превзойти самого Вергилия. Цель Мириам Леонард не только в том, чтобы стать надежным проводником в анализе текстуальных связей, – ее книга посвящена решению проблемы политики. И хотя автор делает это, выходя за пределы своей академической дисциплины, на основании чужих текстов и в отношении чужой страны, однако в каком-то смысле авторская позиция тщательно воспроизводит положение французских (или немецких) интеллектуалов, думавших о политике, разбирая древнегреческие трагедии.

Автор опровергает тезис В. Декомба, что «французская теория» не стала благоприятной почвой для политической мысли, несмотря на чрезвычайную озабоченность политической проблематикой³. Леонард утверждает, что структуралистская мысль, которую нередко огульно называют аполитичной, нашла эффективный способ артикуляции внутренних политических разногласий именно в соприкосновении с греческим миром. Причем, как подчеркивает автор, структуралисты не просто читали и использовали греческие примеры в рамках своих теорий, но «именно встреча с греками стала фундаментальным вызовом ортодоксальным положениям структурализма и повлияла на меру его участия в политике» (р. 12). В трех героях греческой классики персонифицированы три основных типа политиче-

² *Derrida Jacques*. *Nous autres Grecs / Nos Grecs et leurs modernes: Les stratégies contemporaines d'appropriation de l'antiquité* / Ed. par B. Cassin. Paris, 1992. P. 251–78. Три варианта интерпретации названия этого текста Деррида указываются в английском переводе: *Derrida J. We other Greeks // Derrida and antiquity* / Ed. by M. Leonard. Oxford UP, 2010. P. 17.

³ *Descombes V. Modern French Philosophy* / Tr. by L. Scott-Fox and J. M. Harding. Cambridge, 1980.

ских проблем, ставших неразрешимыми апориями для послевоенной мысли: проблема политического субъекта (Эдип), проблема отношений этики и политики (Антигона) и проблема демократии (Сократ).

Два текста Вернана («Эдип без комплекса», «Двусмысленность и реверсия: о загадочной структуре „Царя Эдипа“») ⁴ заняли важное место в каноне софоловедения. В одном случае Вернан бросает вызов психоаналитическому Эдипу, в другом — структуралистскому. История Эдипа трагическая в том смысле, что двусмысленность его положения, определяемая бинарной оппозицией *tyrannos/pharmakos*, тиран/изгнанник, обусловлена конкретным политическим контекстом, «трагическим моментом» истории. Богоравный правитель в начале трагедии (царь в эпоху царей) в конце становится изгоем полиса (то есть сильной личностью, подвергнутой остракизму при демократии). «Трюк Вернана состоит в том, чтобы заставить структурализм говорить по-гречески» (р. 40). Греки как бы получают право на особый диалект в унитарной вселенной структурализма, становятся благодаря этому «иными» и одновременно *обретают политику*. «Инаковость» персонажа, превращавшая его в политический субъект, имела смысл не только в «трагический момент» греческой истории, но и в эпоху освободительного антиколониального движения. Леонард показывает, что политизация структурализма, произведенная Вернаном в текстах, посвященных анализу «Царя Эдипа», повлияла на ключевые работы Деррида и Фуко. Разбор книги Деррида «Фармация Платона» ⁵ завершает книгу Леонард, а промежуточным открытием британской исследовательницы становится указание на то, что еще в начале 70-х гг. Фуко рассматривал античную тематику в качестве перспективной модели для критики оснований модерна. Удививший многих поворот к античности в его последних исследованиях, «Использование удовольствий» и «Забота о себе» ⁶, готовился заранее. Предисловие Фуко к «Анти-Эдипу» Делеза и Гваттари послужило вступлением к его собственной вариации на тему трагедии Софокла. В лекции «Истина и юридические формы» (1973) ⁷ Эдип персонифицирует связку «власть — знание». При этом, несмотря на стремление поместить сюжет в исторический контекст античных юридических практик, Фуко действует на удивление «не по-фукиански» (р. 82), достаточно наивно обращаясь с античными реалиями, скорее эстетизируя, чем историзируя тему. По мнению Леонард, это объясняется тем, что главным стимулом для исследования,

⁴ Vernant J.-P. Oedipe sans complexe / J.-P. Vernant, P. Vidal-Naquet. Mythe et tragédie en Grèce ancienne. Paris, 1972. P. 75–98; Ambiguïté et renversement. Sur la structure énigmatique d’Oedipe Roi / Ibidem. P. 99–131.

⁵ Derrida J. La pharmacie de Platon // Tel Quel n. 32, 3–49, n. 33, 18–60. 1968; русск. пер.: Деррида Ж. Диссеминация / Пер. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

⁶ Foucault M. L’usage des plaisirs // Histoire de la sexualité, II. Paris, 1984; Le souci de soi // Histoire de la sexualité, III. Paris, 1984.

⁷ Foucault M. La vérité et les formes juridiques // Dits et écrits 1954–1988. T. II (1970–1975) / Ed. D. Defert, F. Ewald. Paris, 1994. P. 538–646.

по-видимому, стало желание опробовать вернановский метод политизации структурализма в важный момент прямого участия Фуко в политике. Но если у Вернана Эдип терпит поражение от недостатка знания, то у Фуко — от избытка такового. Избыток знания и власти — бессознательное Эдипа. Фрейдистское требование «познать себя», анализировать бессознательное — последний рубеж гуманизма и государственной власти. В итоге перверсия кажется Фуко единственным способом политического сопротивления. Но в его финальных эстетизированных текстах Леонард не усматривает продуктивной политической программы.

Вторая глава посвящена «Антигоне». И первое слово в ней принадлежит Лакану, который обращается к этой трагедии Софокла в лекциях об этике психоанализа⁸. Лакановская интерпретация Софокла произвела на исследователей античности не меньшее впечатление, чем вернановская. Можно даже говорить о двух возникших в результате «лагерях». Такая авторитетная специалистка, как Николь Лоро, исповедуя «лаканизм», даже написала работу «Антигона без театра»⁹, в которой спародировала название манифеста Вернана «Эдип без комплекса». У Лакана Антигона действительно оказывается не только вне театра, но и вне связи с другими персонажами, не говоря уже об историко-политическом контексте. Антигона — «чистое желание», в котором, однако, угадывается вполне христианизированное понимание чистоты как непорочности. «Антигона» становится личной драмой для Люси Иригарэ, указавшей на традиционность и гендерную обусловленность интерпретации своего учителя Лакана, из школы которого она была в итоге исключена. В своей интерпретации трагедии Софокла Иригарэ указывает на двойственность маргинализации Антигоны, ускользнувшую от внимания и Гегеля, и Лакана: Антигона одновременно а-политична и анти-политична, причем одно обуславливает другое в логическом круге мужской политики. Напротив, согласно Иригарэ, Антигона участвует в политике ровно в той мере, насколько ей это позволено. Спустя целых 25 лет та же мысль на том же материале проникает, наконец, в англосаксонский мир (Батлер)¹⁰. Тогда как в Париже 1974 г., когда вышли тексты Иригарэ и Деррида¹¹, размышлять о гендерной проблематике, не отталкиваясь от гегелевской трактовки драмы Софокла, было совершенно невозможно (р. 140).

Финальная часть книги посвящена Сократу, интерпретация образа которого в XIX в. претерпела поразительные изменения: из символа демократии и Просвещения Сократ превратился у Ницше в декадента и нигилиста. И если Вернан, член компартии, лишил Ницше голоса во имя демократии, то большинство представителей «французской теории» выбрали

⁸ *Lacan J.* Le séminaire, VII; L'éthique de la psychanalyse. Paris, 1986.

⁹ *Loroux N.* Antigone sans théâtre / Lacan avec les philosophes / Eds. N. S. Avtonomova et al. Paris, 1991. P. 42–9.

¹⁰ *Butler J.* Antigone's Claim: Kinship Between Life and Death. N. Y., 2000.

¹¹ *Irigaray L.* The Speculum of the Other Woman. Ithaca, NY, 1985; *Derrida J.* Glas. Paris, 1974.

противоположный путь: «под чарами Ницше» они заставили замолчать афинскую демократию (р. 165). Парадоксально, что при этом демократия, пусть даже как «демократия будущего» (Деррида), оставалась чуть ли не единственным различимым политическим идеалом. Лакан в своем комментарии к «Пиру» Платона¹² реабилитирует Сократа, но лишь для того, чтобы заново утвердить неприятие демократии. Если плебей Сократ был отвергнут Ницше в пользу благородных греков архаики, то Лакан возводит Сократа на пьедестал атопии, делает из него идеального психоаналитика, но изолирует от политики. Леонард показывает, что разбор «Пира» Лаканом оказал решающее влияние на разработку его концепта *objet a*. «Фармация Платона» Деррида — манифест «французской теории», больше того: сегодня многие открывают для себя Платона именно через этот текст. Леонард защищает французского мыслителя как от чисто филологических претензий, так и от естественного желания специалистов переоголять Деррида в придуманной им игре, то есть доказать, что Платон на самом деле «*deconstructionist avant la lettre*», и даже самый радикальный приверженец деконструкции (р. 194). Филологи-классики традиционно пытаются «опровергнуть» чтение Деррида, возвращаясь к «самому Платону», не замечая, что в центре внимания французского исследователя находится именно момент превращения Платона в «платонизм», блокирующий непосредственное возвращение к оригиналу. Леонард больше интересуется, на каких, собственно, основаниях Деррида называет свою работу «политическим текстом». Действительно, многое проясняется благодаря выявленным Леонард стратегиям политизации структуралистской мысли на материале античной классики. Деррида идет путем, который был проложен Вернаном. Деррида крепко держится за ключевой вернановский термин *pharmakos*, невзирая даже на то, что это слово ни разу не встречается в платоновском корпусе (у Деррида есть готовое оправдание: любое отсутствие, разумеется, весьма значимо). Леонард, напротив, считает значимым нечто иное. Деррида увлекается схемой Вернана (то есть структуралистскими стратегиями политизации, контекстом «своей политики») и забывает, к чему она прилагается (контекст «афинской политики»). Деррида игнорирует сложные отношения Платона и практиковавшей остракизм демократии. Однако не кто иной, как противник письменного слова Сократ был изгоем афинской демократии (р. 209). Получается, что письмо — *pharmakos* и Сократ — *pharmakos*, но при этом Сократ отвергает письменное слово. Искусственно введенный в анализ термин *pharmakos* не решает загадки, демонстрируя собственную избыточность. В области политической теории это приводит к разрыву между искомой «демократией будущего» и ее истоком в афинской демократии. Леонард присоединяется к критикам Деррида, но в отличие от коллег по цеху ставит диагноз не самой теории деконструкции, но ее интеллектуальной «среде»: «Фармация Платона» — показательный пример проблематичности демократи-

¹² Lacan J. Le séminaire, VIII; Le transfert. Paris, 1991.

ческого прочтения классического текста в компании самопровозглашенных противников демократии (р. 209). Получается, не сильно ошибался Декомб, говоривший о вредоносной среде «французской теории», блокировавшей политическое мышление.

В итоге блестящее исследование Леонард создает впечатление, что политические вопросы решаются прежде всего выбором хорошей компании. Случайно или нет, примеры такой политики обнаруживаются в самой книге. Выше упоминалось о навязчивом посредничестве в этих трехсторонних (греко-немецко-французских) переговорах пишущего по-английски словенского философа Славоя Жижека. Автор часто обращается к нему за «последним философским словом» почти на любую тему (впрочем, лаканисту и гегельянцу Жижеку также достается от автора положенная порция феминистской критики). Гораздо более красноречивым является тотальное отсутствие ссылок на Хайдеггера. В обширной библиографии нет упоминания ни единой (!) его работы, притом что тот же список литературы содержит десятков книг, в названии которых Хайдеггер упомянут. Вместе с Хайдеггером из контекста книги выпадают такие релевантные вещи, как «диво» человека в хоре из «Антигоны» или «учение Платона об истине». Парадоксально, но в книге о философии и политике Сократ остается без «Государства»! Забавный вариант ученого остракизма. На последних страницах исследования Леонард отрешивается от главного платоновского диалога: «Только представьте, — задает автор риторический вопрос читателям, — что будет, если в наши рассуждения незаметно проскользнет „Государство“?» (р. 215). Действительно, что? Читатель, видимо, должен заранее знать правильный ответ. После того как Леонард уличила Деррида в попытке сотворить значимость на пустом месте, невозможно допустить, что Хайдеггер и «Государство» Платона в ее собственной книге случайно преданы забвению. Поскольку здесь не место особенно углубляться в теорию (и, кроме того, совершенно не хочется чрезмерно критиковать великолепный труд Леонард, который для многих станет настольной книгой), достаточно будет заметить, что практика легко доказывает ненадежность философской ориентации на, условно говоря, «хорошего Жижека» против «плохого Хайдеггера». Для этого всего-навсего нужно слегка расширить библиографию исследования, включив в нее, например, книгу, вышедшую уже, правда, после 2005 г.: S. Žižek *In Defense of Lost Causes* (London, Verso, 2008). Жижек защищает в ней «гуманизм» Сталина и национал-социализм Хайдеггера, «сделавшего верный шаг, пусть и в ошибочном направлении». Философы, тем более континентальные, по определению плохая компания для обсуждения демократии. И если они воздерживаются от участия в демократической политике, то, вероятно, злоумышляют против нее. Для них, как для гегелевской Антигоны, а-политичность почти неизбежно заканчивается анти-политичностью.

Алексей Глухов